

НИЩЕНСТВО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Введение

Сегодня трудно себе представить Москву и другие крупные города России без нищих, сидящих, стоящих у дверей крупных супермаркетов, у ворот рынков или церквей (монастырей или соборов), расположившихся семейными группами на улицах и площадях, активно перемещающихся с картонными табличками и без оных по вагонам метро и тротуарам, просящих с собаками, кошками, а иной раз и с вовсе экзотическими питомцами (попугаями, питонами, медвежатами или обезьянками) (*Butovskaya et al.* 2000, 2004). Нищие, заполонившие столичные улицы в начале 1990-х годов, вызвали настоящий шок у горожан, воспитанных в эпоху социализма. Своим обликом, манерой держаться и говорить многие "новые нищие" мало чем напоминали обликом "сырых и убогих", просящих милостыню на паперти в советское время. Более того, многие из них разительно отличаются от большинства современных нищих в США или Западной Европе, как, впрочем, и от нищих в Индии (особая каста, нищие по рождению, те, чьи предки промышляли нищенством много поколений), на Мадагаскаре, в Танзании или других развивающихся странах.

В настоящее время нищенство становится все более распространенным явлением не только в России и других странах бывшего СССР, но и во всей Восточной Европе. Кто они, эти "новые нищие"? Возможно ли видеть в этом явлении, начиная с конца 1990-х годов, возрождение массовой социальной практики, прерванной в 1917 г. революцией? Практики, десятилетиями искореняемой в СССР посредством Закона об ответственности за тунеядство и бродяжничество и аналогичными законодательными актами в других социалистических странах.

Как ни парадоксально, анализ современного нищенства в России показывает, что "новые нищие" в основных чертах воспроизводят данную практику в том виде, в котором она существовала в дореволюционном российском обществе. В нашей статье также прослеживается историко-культурная преемственность в стратегиях попрошайничества в России.

Исторический анализ нищенства проводится прежде всего на основе работ российских историков конца XIX в. Это связано с тем, что феномен нищенства вызывал огромный интерес в среде российской гуманитарной интеллигенции того времени, и их работы стали одним из стимулов для разворачивания широкой благотворительной кампании по искоренению нищенства и бродяжничества в стране. Общественные, муниципальные и государственные организации пытались разработать и реализовать эффективно функционирующую систему благотворительных практик, позволяющих пресечь это порочное явление. Насколько успешными оказались такого рода мероприятия, будет понятным из дальнейшего изложения.

История взаимоотношения нищих и общества.

Система благотворительных практик в дореволюционной России

Существуют различные культурные традиции отношения к нищим. В одних странах эта категория людей вызывает преимущественно сочувствие, в других – раздражение и открытую неприязнь. Для человека раннехристианской Руси характерна высокая терпимость к нищим и стремление оказать посильную помощь всем нуждаю-

Иван Юрьевич Дьяконов – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

щимся (*Кудрявцев 1885; Прыжов 1997*). Традиция сочувственного отношения к нищим прослеживается на Руси с X–XI вв. и, по-видимому, была привнесена вместе с христианизацией (*Иванова 2003; Кудрявцев 1885; Прыжов 1997*). В Византии к тому времени уже сложилась практика попечительства над нищими со стороны церковных институтов. В Римской католической церкви отношение к прошению милостыни было аналогичным византийской традиции, так как основанием для выработки практик благотворительности являлись канонические евангельские тексты. Изречение Христа "Нищих всегда имате" определяло отношение к нищенству не просто как к неизбежности, но как к благу для общества. В свою очередь, Иоанн Златоуст так говорит о должном отношении к нищенству: "Ты не должен разузнавать бедных, что они за люди, потому что ты принимаешь их во имя Христа... Одна защита у бедного – недостаток и нужда, не требуй от него ничего более, но хотя бы он был самый порочный человек, утоли голод его" (*Максимов 1906: 27*).

Восприятие нищенства определялось и характерным для русской культуры отношением к собственности в целом. Иоанн Златоуст пишет: "Ты говоришь: зачем он не работает, зачем он тунеядец. Скажи мне: а ты приобрел ли то имущество, которое ты имеешь своим трудом и не получил ли ты его в наследство от Отца". Таким образом, владение собственностью рассматривалось как дар Божий, а не результат труда, поэтому часть имущества могла быть с легкостью отдана нищему, причем подавание милостыни могло рассматриваться, по сути, как возвращение долгов Богу (Там же: 29).

Субъектами благотворительности были в первую очередь жители городов и крупных поселений. Кроме того, известны многочисленные случаи личной благотворительности со стороны киевских и удельных князей (особенно щедрые пожертвования делали Владимир Красное Солнышко, Всеволод Псковский, Владимир Мономах), а также настоятелей монастырей, особенно Киево-Печерского. В этот период появилась и закрепилась на несколько веков практика разовых раздач денег и хлеба по случаю церковных праздников, а также событий в княжеской семье – свадеб, похорон. По свидетельству летописцев, в такие дни в город съезжались десятки тысяч нищих со всех земель Руси и, расходясь затем по насиженным местам, могли безбедно существовать несколько месяцев (*Ключевский 1995; Линев 1891*).

В XII–XIII вв. на Руси начинает складываться система земских обществ, что дало толчок новому типу благотворительности. Традиция сборов местного населения для решения тех или иных вопросов восходила к языческому "складным пирам" и способствовала образованию "горизонтальных" общественных связей, которые долгое время существовали независимо от церковной и княжеской иерархии. В каждом земстве избирался церковный староста и принималось автономное законодательство. Княжеским чиновникам запрещалось посещать земские соборы. Если те их все же посещали, то могли быть подвергнуты физическому наказанию со стороны общины. Помимо этого община обладала экономической независимостью. Деньги из земского резерва расходовались на закупку необходимого продовольствия, строительство церквей, а значительная часть средств – на попечение нищих. В частности, большое распространение получили так называемые Божьи дома – приюты для больных и пожилых бедняков, которые обычно устраивались при кладбищах. Земская система помощи носила принципиально иной характер, нежели частная благотворительность. При каждой богадельне существовал совет, который рассматривал вопрос о возможности помочь тому или иному нищему. Если человек был способен к работе, то попасть в такое заведение он не мог. Кроме того, земства практиковали выдачу кредитов для разорившихся крестьян и погорельцев (*Максимов 1906*).

Так сформировался институт гражданской помощи, основанный на принципе избирательной, индивидуальной поддержки нищих. Это вызывало недовольство со стороны высшей церковной иерархии и многих земских священников, поскольку в общинах нарушался принцип помощи без разбора, "слепой" благотворительности. Безусловно,

каждый из членов земства мог практиковать и "слепую" благотворительность, но со временем, как правило, предпочитал оказывать помощь посредством системы земской благотворительности (Линев 1891; Прыжов 1997).

В XVI в., в связи с усилением позиций Москвы и централизацией светской и церковной власти, система земств пришла в упадок. Они утратили право на самостоятельное избрание старост. В свою очередь епископат церкви начал претендовать на казну приходских союзов. В результате была потеряна возможность земской благотворительности и единственной формой помощи осталась личная "слепая" благотворительность.

Таким образом, институты гражданского попечительства нищих были разрушены. Однако с этого же времени ведет свое начало история государственной заботы о нищих. На Стоглавом соборе при Иване IV был рассмотрен вопрос о нищих и бродягах. Согласно решению собора, нищенство следовало полностью искоренить. Однако конкретных мер по реализации такой задачи предложено не было, и об этой программе забыли более чем на 100 лет. Царем Федором Ивановичем был издан специальный указ "О принудительной работе как средстве исправления нищенства". В этом документе содержится принципиально новый взгляд на проблему нищенства. В частности, в нем говорится, что к нищим нельзя относиться лишь как к молитвенникам о душах благотворителей; напротив, многие из них "не более, как притворные воры". Ссылаясь на опыт Англии, царь Федор предлагал организовать специальные заведения, где бы нищие работали в заключении, при этом не способные к работе помещались в богадельни и госпитали, а дети направлялись в мастерские для обучения. Однако конкретных шагов по претворению указа в жизнь царь не предложил, и все его пожелания снова остались только на бумаге (Максимов 1906).

Первые решительные меры по исправлению ситуации с нищенством были приняты Петром Великим (Соколовский 1901). Император возложил всю ответственность за искоренение нищенства на государство и требовал от чиновников решительных действий. По его указу нищие признавались общественным злом, сам акт подаяния – соучастием в преступлении. Немаловажно, что указом запрещалось подавать милостыню, а за нарушение с подающих взимался штраф в 10 руб. Данная практика наказания за подаяние милостыни уникальна не только для российской, но и для мировой истории борьбы с нищенством. Нищих же, в свою очередь, предписывалось хватать и вести в полицию, при повторном задержании наказывать физически и отсылать по месту жительства. Если же выявятся постоянные нарушители, то здоровых мужчин полагалось отправлять в смиренные дома, где они должны были работать за еду (и тем самым исправляться), а женщин – в прядильные дома. Для больных и старых нищих собирались открыть госпитали и богадельни. С целью обучения детей предлагалось организовать училища при монастырях (к 1725 г. было открыто 110 таких заведений). За надзор и попечение над нищими отвечало полицейское управление. В работу по призрению начали вовлекаться и местные органы управления (наследники системы земств), однако их деятельность была полностью подконтрольна государству (Максимов 1906; Сперанский 1896).

После смерти Петра I активность органов призрения заметно поубавилась, а в 1775 г., при Екатерине II, возобновляется деятельность по искоренению нищенства. Практически одновременно императрица издает два указа: о создании в Санкт-Петербурге дома для работы нищих и выпуске "Учреждения о губерниях", согласно которому в каждом регионе необходимо было организовать дома для работающих нищих. Примечательно, что в этих документах имелись в виду принципиально различные типы домов: если приказ для столиц подразумевал принудительные работы "для исправления тунеядцев" (например, их обязывали пилить камень за 3 коп. в сутки), то в губерниях дома для нищих были добровольными и в них могли вступать люди и выполнять разнообразную работу, принося доход учреждению. Такая двойственность характеризует

всю государственную политику XVIII–XIX вв. В распоряжении обер-полицмейстера Москвы Н.П. Архарова было два типа домов призрения – для работающих нищих и для "непотребных, буйных ленивцев", однако через 7 лет они были объединены в одно заведение. Условия жизни были там отчасти даже хуже, чем в тюрьмах, так как из-за притока нищих со стороны невозможно было контролировать эпидемиологическую ситуацию, в связи с чем смертность оказалась крайне высока. По характеристике С. Сперанского, эти дома создавались лишь с целью убрать с глаз долой нуждающихся, но не помочь им (*Дриль* 1899; *Сперанский* 1896).

При Николае I впервые объединяются государственные и общественные инициативы по призрению нищих. В 1834 г. под попечительством императора был создан "Комитет о просящих милостыню", задачей которого являлась благотворительная добровольная помощь нищим. Признавалось, что совместное содержание нищих и преступников ("непотребных ленивцев") недопустимо. Комитету надлежало разделить всех нищих на четыре категории: больные, здоровые, но не имеющие работы, здоровые нищие по ленности и случайные, "временные" нищие. Всем категориям, кроме нищих по ленности (которые подлежали исправлению в рабочих домах), оказывалась материальная, медицинская помощь и содействие в поиске работы.

Заклучение в рабочие дома, по сути, являлось бессрочным. Увольнение было возможно, если человек либо доказал свое трудолюбие, либо заработал достаточно денег для самостоятельной жизни. По свидетельству А. Бахтиярова, в реальности эти дома представляли собой клоаку, где никто не работал и где царило пьянство (*Бахтияров* 1994: 41). В 1861 г. содержание в рабочих домах вступило в противоречие с предоставлением вольностей крестьянству. Срок содержания был сокращен до месяца, что привело к фактическому упразднению системы контроля за нищенством. Нищие перебирались с места на место, питались, ночевали в домах и уходили. Количество нищих постепенно возрастало, и они активно пользовались помощью общественных советов (*Сперанский* 1896).

Отношение к нищим в тот период характеризуется выраженной амбивалентностью. И. Прыжов писал: "Известно, что наш добрый народ готов поделиться с нищим последней крохой. Но ни врожденная доброта, ничего не удерживает наш народ от вражды к попрошайничеству, нищенству". По его словам, на Руси сложилась традиция "милостыни без милосердия". Подаяние милостыни являлось "вещью форменной". Важен был сам факт подачи милостыни, за этим поведением часто могло скрываться отсутствие жалости к нищему и зачастую – ненависть к нему (*Прыжов* 1997: 68).

Численность нищих в дореволюционной России

Предпринималось немало попыток подсчитать число нищих в России. Определенной достоверностью обладают лишь подсчеты, которые делались во второй половине XIX в., поскольку к этому времени сформировалась система попечения нищих, которая охватывала всю территорию страны. По сведениям, собранным в 1877 г. комиссией, учрежденной при Министерстве внутренних дел, общее число людей, просящих милостыню, в 71 губернии составило 293 495 человек. Однако многие ученые и общественные деятели характеризовали данные цифры как заниженные (*Дриль* 1899; *Левенстим* 1900).

Историк И.В. Мещанинов оценивает численность нищих в России, пользуясь данными о распространении данного явления в Западной Европе. В Швейцарии на тот момент к беднякам причислялись 6,7% населения, в Германии – 7,6%, в Италии и Испании – до 8%. Мещанинов приходит к выводу, что при 125-миллионном населении России, даже если бы в помощи нуждались лишь 4%, численность бедняков составила бы 5 млн человек. Предположив, что из этого числа 10% кормится попрошайничеством, историк выводит цифру 500 тыс. нищих. Свои соображения он подкрепляет

данными Первой всероссийской переписи 1897 г., в ходе которой выделялись две потенциальные группы нищих: 1) нищие, бродяги, странники и богомольцы – 362 тыс., 2) люди, не указавшие своих занятий, – 316 тыс. (123 тыс. мужчин и 193 тыс. женщин).

"Если из этой второй группы половину причислить к первой, – рассуждает Мещанинов, – то мы и получим около полумиллиона, но и это будет лишь гадательный расчет, дающий минимальную цифру". Некоторые исследователи, опираясь на личные впечатления о распространенности российского нищенства, давали куда более высокие оценки. В частности, Д. Линева говорит об "армии нищенствующих", составляющей 2–3 млн человек (Линева 1891:19).

У нас есть основание усомниться в достоверности данных переписи. Дело в том, что в этих цифрах мы видим явное преобладание женщин над мужчинами, тогда как из статистики Николаевского комитета по разбору и призрению видно, что нищенствующих мужчин всегда в 4–5 раз больше, чем женщин. Дело в том, что в ходе переписи отмечались лишь те нищие, которые сами называли свой род деятельности, те же, кто стыдился или боялся назвать свой промысел, уходили от подсчета. По-видимому, мужчины были более склонны, чем женщины, скрывать свое занятие нищенством.

Подсчет нищих был затруднен и тем, что лишь в Москве и Петербурге имелись органы, которые могли привести действительно достоверные данные о числе нищих, – это комитеты для разбора и попечения нищих. Эти комитеты, в свою очередь, получали сведения из полицейских участков.

Данные по Петербургу содержатся в отчетах петербургского "Особого присутствия по разбору и призрению нищих" (Максимов 1906). Число нищих в 1905–1910 гг. распределилось следующим образом: 1905 г. – 16 126, 1906 г. – 19 375, 1907 г. – 16 019, 1908 г. – 14 304, 1909 г. – 17 592, 1910 г. – 19 209 человек.

Таким образом, оценки числа нищих в России конца XIX в. варьируют от 200 тыс. до нескольких миллионов человек. Несмотря на столь значительный разброс оценок, можно утверждать, что нищие в тот период составляли значительную по размеру социальную группу, и она ежегодно пополнялась.

Структура сообщества нищих в дореволюционной России

Описание структуры сообщества нищих содержится в материалах комитетов по разбору нищих. В 1882–1897 гг. в Санкт-Петербурге действовал Николаевский комитет для разбора и призрения нищих, в задачи которого входил контроль за работой богоугодных заведений и организацией исправительных работ для тунеядцев (Левентим 1900; Максимов 1906). В отчетах комитета содержится много ценной информации о структуре нищенства. Мы остановимся лишь на нескольких фактах.

Из 8016 человек, сведения о которых поступили в комитет в 1897 г., 7924 были арестованы за публичное прошение милостыни, и лишь 92 не просили подавания, хотя пребывали в состоянии крайней нужды. Такие люди, переносящие голод, стыдясь просить милостыню, встречаются редко; за 15 лет их число достигло всего 1675 человек.

Большинство арестованных оказались здоровыми и способными к труду (4847 человек). В целом за 15 лет подверглись аресту 78 134 нищих, из которых 39 117 были трудоспособны.

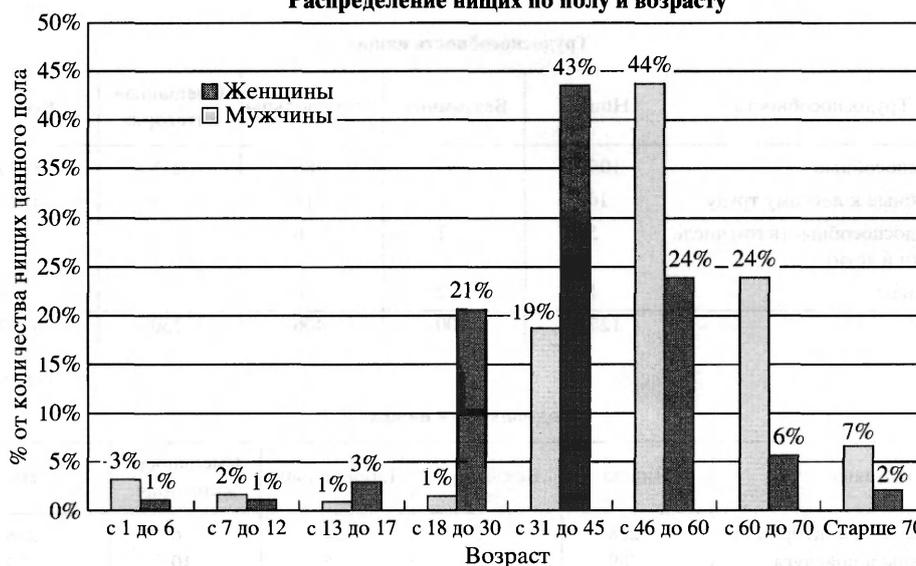
Среди арестованных около 70% составляли мужчины. За 15 лет в Николаевский комитет поступили сведения о 52 529 мужчинах и 25 605 женщинах. При этом большинство мужчин находилось в трудоспособном возрасте, по характеристике комитета, "в полном расцвете сил", в то время как женщины были лишь среднего и пожилого возраста. Данные за 1897 г. и диаграмма приводятся нами ниже.

Таким образом, нищие мужчины, это, как правило, здоровые люди, предпочитавшие прошение милостыни труду.

Распределение нищих по полу и возрасту

Возраст, лет	Женщины	Мужчины
1–6	58	28
7–12	29	47
13–17	18	148
18–30	26	1082
31–45	350	2287
46–60	818	1258
60–70	449	298
Старше 70	124	111
Итого:	1872	5259

Распределение нищих по полу и возрасту

Достаточно полное представление о структуре группы нищих в Петербурге дают результаты исследования, проведенного в 1905 г. (Максимов 1906). В исследование были вовлечены 13 462 нищих, попавших в комитеты по разбору (Табл. 1).

Распределение нищих по продолжительности пребывания в Петербурге было следующим: 967 человека проживали в городе менее года, 387 – год, 344 – два года, остальные – более трех лет.

О семейном положении нищих дает представление табл. 2.

Таблица 1

Распределение нищих по месту приписки

Губерния	Нищие	Бездомные	Добровольцы	Смешанная категория	Всего
Тверская	2535	14	53	43	2645
Санкт-Петербургская	2330	8	102	55	2495
Ярославская	1422	13	36	31	1502
Новгородская	1394	11	34	13	1452
Псковская	864	15	23	11	913
Остальные местности	4181	39	158	77	4455
Итого:	12726	100	406	230	13462

Таблица 2

Семейное положение нищих

Семейное положение	Нищие	Бездомные	Добровольцы	Смешанная категория	Всего
Имеющие семью в городе	3650	32	118	59	3859
Имеющие семью вне города	3324	13	98	46	3481
Не имеющие семьи	5752	55	190	125	6122
Итого:	12726	100	406	230	13462

Таблица 3

Трудоспособность нищих

Трудоспособность	Нищие	Бездомные	Добровольцы	Смешанная категория	Всего
Трудоспособные	10927	95	386	225	11633
Способные к легкому труду	1005	2	14	4	1025
Нетрудоспособные (в том числе старики и дети)	598	1	6	0	
Инвалиды	196	2	0	1	199
Итого:	12726	100	406	230	13462

Таблица 4

Род занятости нищих

Род занятости	Нищие	Бездомные	Добровольцы	Смешанная категория	Всего
Приказчики, конторщики	208	0	24	6	238
Торговцы и прислуга	769	0	5	10	784
Извозчики	85	0	0	1	86
Булочники	225	1	0	1	227
Типографские работники	199	0	8	5	212
Прачки	189	0	0	0	189
Слесари	658	1	29	14	702
Столяры	246	1	10	8	265
Производство обуви	533	1	73	13	620
Производство одежды	410	0	55	23	488
Другие ремесла	684	0	11	6	701
Строители	427	0	4	1	432
Чернорабочие	7454	1	187	137	7779
Домохозяйки	23	0	0	0	23
Ничем не занимавшиеся	616	95	0	5	716
Итого:	12726	100	406	230	13462

О том, насколько были трудоспособны нищие, свидетельствует табл. 3.

Из табл. 4 видно, какими видами деятельности занимались нищие до того, как опустились на социальное дно.

Представляется важным, что, несмотря на трудоспособность и наличие опыта работы у большинства нищих, почти никто из них не стремился найти постоянное место занятости.

Географическое распределение нищих в дореволюционной России

Масса нищих была распределена по территории России неравномерно. Из отзывов губернаторов, давших в 1898 г. сведения о нищенстве, видно, что крестьянское население сибирских губерний вообще не занималось нищенством, а нищенствовали в этих губерниях лишь ссыльные (Блиновский 1904). В некоторых губерниях (преимущественно в северо-западном регионе) нищенство было развито слабо и нищие тут составляли менее 1% населения. На Украине и Белоруссии нищенствовало менее 2%. Наибольшее распространение это занятие получило в Казани, Москве, Орле, Одессе, Санкт-Петербурге, Саратове и Херсоне, где насчитывалось до 5% нищенствующего населения.

Скопление нищих в городах не было случайным. Во-первых, в крупные населенные пункты стекались нищие из сел и деревень, тогда как городские жители милостыню практически не просили. Кроме того, многие отправились в город, надеясь получить работу, и, не находя таковой, вынуждены были идти на паперть. Но самое главное – городское население было заметно богаче сельского; состоятельные горожане подавали милостыню круглый год, на все праздники, тогда как в деревнях дни общей раздачки милостыни случались куда реже. Причем подавали горожане деньгами, а они особенно ценились нищими.

В Московской губ. нищих можно было встретить не только в городах, но и в фабричных центрах, монастырских поселках, а летом – в дачных местностях. В Костромской и Тверской губерниях от нищенства больше всего страдали торговые села и деревни, расположенные по линиям железных дорог, преимущественно вдоль трассы Москва–Петербург. Надзора в этой местности практически не было, а состоятельных людей среди проезжающих имелось немало (Левенстим 1900).

Нищенство как поведенческая специализация в дореволюционной России: феномен "нищенских гнезд"

По всей стране в XIX в. существовали так называемые нищенские гнезда: населенные пункты, в которых все люди поголовно промышляли сбором милостыни (Там же). Подавляющее большинство из этой категории нищих совмещало навыки хлебопашцев (оставались, по сути, крестьянами), но в качестве дополнительного заработка просило милостыню в свободное от полевых работ время. Следует сказать, что подобная стратегия продолжает практиковаться и в наши дни крестьянами-земледельцами в некоторых развивающихся странах (например, в Эфиопии).

Каждое гнездо, как правило, применяло единую стратегию нищенства. Так, в одном селе все обитатели собирали на строительство храма, а в другом – на восстановление сгоревшего дома (Там же). Мы дадим описание крупнейших гнезд, существовавших в России в конце XIX в.

В Арзамасском у. существовала деревня Пьявочное озеро (народ называл его Пьянишным). Все мужское население деревни, бросив земледелие, занималось сбором пожертвований для постройки церквей. Он производился следующим образом. Человек находил в окрестности бедную церковь и заключал сделку с причтом, по которой за 40–50 руб. он получал необходимые документы и книгу для сбора пожертвований. Далее крестьянин пускался в путь по губернии, проводя в дороге до нескольких месяцев. Все подаяния должны были фиксироваться в книге, но вследствие неграмотности крестьянского населения такие пометки никогда не делались. Возвращаясь, он отдавал в церковь 100–200 руб., а 400–500 руб. оставлял себе. Из странствий крестьяне возвращались осенью, и вплоть до зимы в д. Пьявочное озеро царил поголовное пьянство.

Только в 1876 г. Святейший Синод обратил внимание на злоупотребления в ходе сбора податей и издал указ, по которому сборщиком податей может быть лишь крестьянин из местного прихода. Указ привел обитателей д. Пьявочное озеро в уныние, однако вскоре они нашли средство, позволявшее обойти запрет. Теперь житель деревни сначала направлялся в церковь, находил там местного крестьянина-собиравателя податей, выкупал у него все документы и пускался в странствия (Там же).

Отдельного рассказа заслуживают нищенские гнезда **Московской губ.** Близость столицы давала крестьянам множество возможностей заработать как земледелием, так и кустарным промыслом. Несмотря на это, неподалеку от Москвы существовали два нищенских гнезда – в Верейском и Богородском уездах. В первом находилась д. Шувалово, жители которой смотрели на нищенство как на стабильный источник доходов. Старики, не способные к полевым работам, ходили за подаянием круглый год. Остальные занимались земледелием, а после окончания полевых работ отправлялись в странствия. Выезжали просить милостыню 3 раза в год. Первый раз (осенью) двигались в черноземные губернии (Тула, Воронеж) и просили там деньги, ссылаясь на обрушившиеся на них неурожай и градобитие; второй раз (зимой) посещали Польшу, Финляндию, Прибалтику, где просили на восстановление сгоревшего хозяйства; в третий раз (весной) их можно было встретить в Москве, Санкт-Петербурге и дачных окрестностях, где они собирали милостыню под видом афонских монахов. Возвратившись на родину, шуваловцы справляли свадьбы и сильно пьянствовали (Там же).

Почему же жители д. Шувалово выбрали такой промысел, несмотря на благоприятные условия для земледелия и животноводства? Относительно этого существуют две версии. Согласно первой, в XVIII в. шуваловские крестьяне занимались плотничеством и ходили на заработки в западные губернии, где нищенство было очень распространено. Там шуваловцы и познакомились с этим ремеслом. В 1812 г., когда их жилища были сожжены и поля не засеяны, данный опыт оказался весьма кстати. Они занялись нищенством. Однако, сделав это вначале поневоле, шуваловцы быстро оценили выгодность такого рода деятельности и продолжили просить милостыню на профессиональной, так сказать, основе. По другой версии, д. Шувалово раньше принадлежала крупному помещику, управляющие которого, в большинстве своем иностранцы, огромными поборами и барщиной довели крепостных до разорения, и те были вынуждены, чтобы выжить, просить милостыню, что со временем вошло в обычай.

Еще одно крупное гнездо Московской губ. находилось в Богородском у., в него входило около 10 деревень. Местные крестьяне также просили милостыню, ссылаясь на неурожай, пожар и на постройку церкви. Необходимые свидетельства у них всегда имелись при себе, так как фабриковались в тех же деревнях. В дальние странствия они не пускались, предпочитая посещать соседние губернии, населенные раскольниками. Причину нищенства в этой местности установить трудно (Там же).

Одно из самых крупных в России нищенских гнезд находилось в черноземной **Пензенской губ.** В Саранском у., например, за одно лето было выдано 4000 паспортов крестьянам с. Голицино. На запрос губернатора о причине массового ухода крестьян волостное правление ответило, что не было причин к отказу. На самом деле местное начальство грешило массой злоупотреблений. Так как волостные старшины избирались из тех же крестьян, они не смели ни в чем отказать односельчанам. Жители этих деревень, просившие милостыню, были известны под именем "калунов". Обладая большими средствами, они предпочитали нанимать для нищенства детей, калек и женщин, а иногда целые семьи. В сущности нищенство здесь стоит рассматривать как разновидность наемного труда. Работники получали до 10 руб. в месяц. По окончании установленного срока калеки передавались от одного хозяина к другому как простая вещь.

Калуны путешествовали очень далеко. Одни ехали в богатые Самарскую и Саратовскую губернии и даже в Сибирь, другие – на Украину и в Бессарабию. Некоторые направлялись на запад, где их можно было встретить в обеих столицах. При сборе по-

жертвований они брали все, что им подавали, но просьбы свои соотносили с особенностями местности: в волжских губерниях, богатых хлебом, они просили рожь и пшеницу, а в Приуралье и в Перми – холст. Выезды происходили в определенные периоды. Первый начинался после уборки хлеба. Первыми выезжали женщины и дети, а мужчины опаздывали, поскольку работы на их больших маслобойнях заканчивались только к зиме. Первая поездка завершалась поздней осенью. Все старались вернуться к 8 ноября, так как их сельская церковь была основана во имя архангела Михаила и они стремились оказаться дома в день храмового праздника (Там же).

Второй выезд калунов предпринимался в начале зимы и заканчивался ко второй неделе Великого поста, а третий выезд продолжался с третьей недели Великого поста до Троицы. Необходимо отметить, что калунские деревни отличались от соседних богатством и зажиточностью. У каждого крестьянина был надел черноземной земли, хороший скот и крепкая изба.

Калуны вместе с нищими выезжали в путь в особых повозках, которым они специально придавали убогий вид. У калуна имелся набор костюмов для разыгрывания разных нищенских ролей: солдатская шинель, дырявый кафтан и монашеская ряса. Вечером нищие отдавали калуну выручку в указанном размере. Те, кто приносил меньше требуемого, подвергались жестоким наказаниям. По-видимому, существенная в настоящее время часть нищих в Москве, Питере и других крупных городах России также действует по сходному сценарию и функционирует в рамках организованных объединений, во главе которых стоят конкретные руководители (аналогично калуну они имеют в своем распоряжении набор костюмов для "театрализованных представлений" нищих, которые могут меняться в зависимости от времени года и текущих событий в обществе, а также государственных и религиозных праздников).

Нищенство в с. Голицыно началось в XVI в., причины его не известны, однако существует гипотеза, что в старину там были тяжелые оброки, поэтому крестьяне были вынуждены просить милостыню.

Следует заметить, что существовало немало упоминаний о нищенских гнездах, прекративших свое существование. Как правило, это происходило после введения более благоприятных порядков в данных областях и улучшения общей экономической ситуации (Там же).

Завершая описание нищенских гнезд, подчеркнем, что сельские профессиональные нищие использовали те же стратегии, что и городские: просили на погорелое, на лечение, а также на монастыри и церкви. Относительно причин появления нищенских гнезд можно сказать, что только во Владимирской, Вологодской и Нижегородской губерниях отмечалась бедность населения нищенских гнезд. В остальных губерниях население нищенских гнезд было зажиточным. Возможно, в прошлом жители гнезд оказались в большой нужде и начали просить милостыню, и постепенно это занятие стало традицией. Описанная ситуация подтверждает положение, согласно которому преступность (и нищенство, в частности) – это продукт истории, а экономические условия – лишь один из факторов (Там же).

Другим фактором нищенства является отношение к этому занятию у местного населения. Во всех гнездах жители смотрели на нищенство как на более или менее дозволительный промысел, передаваемый от родителей к детям. Практически все жители гнезд пользовались нищенством как подспорьем в хозяйстве, т.е. сбор подаваний был для них "отхожим промыслом" в зимний сезон, в отсутствие загруженности на сельскохозяйственных работах (Там же).

Стратегии профессионального нищенства в дореволюционной России

Стратегии нищенства в дореволюционной России очень разнообразны. Исследователь А. Свирский разделял всех нищих на христорадников (попрошак) и охотников

(профессионалов высшего сорта) (*Ануфриев* 1911; *Максимов* 1906). Христорадников, в свою очередь, он делил на несколько категорий.

1. **Богомолы** (просят милостыню на паперти) и **могильщики** (просят милостыню на кладбищах). Первые в праздничные и выходные дни стояли у паперти, образуя узкую улицу, по которой люди с трудом могли пройти. Когда прихожане выходили из церкви, к ним подбегали нищие, намеренно демонстрируя лохмотья и выставляя раны. Вторые стояли у дверей кладбища и ждали, пока привезут нового "карася" (так они называли покойника) или родственники придут проведать родных. Люди, приходящие на кладбище, редко задумывались о суммах, которые подают, поэтому заработок у могильщиков бывал огромным.

Каждая артель оберегала свои места нищенства и запрещала просить милостыню чужакам. Причем между нищими были поделены не только разные паперти, но и места на папертях. Например, человек, просящий во время обедни, должен был уступить свое место перед всенощной. Чужой не мог попасть на такую паперть, а если бы и попробовал, то подвергнулся жестокому избиению. В Киеве даже слепых не пускали просить у церкви, так как было известно, что они зарабатывали хорошие деньги на ярмарках (*Левенстим* 1900).

Артели богомоллов и могильщиков состояли лишь из профессиональных нищих; они никогда не обращались в ночлежные дома, а, как правило, снимали комнаты. Многие из них наживали значительные суммы и занимались ростовщичеством. Зафиксировано немало фактов, когда умершие нищие оставляли после себя наследство в десятки тысяч рублей.

2. **Иерусалимцы** (горбачи). Это нищие, выдававшие себя за странников. Они всегда были одеты в черное, наподобие монахов, и старались вести себя степенно. В Петербурге их было немного, но в Москве и в провинции таких нищих можно было встретить во всех многолюдных местах. Особенно часто они обращались к мелким купцам, рассказывая им истории о своих странствиях по миру. Просили они всегда на "святые дела". У одного человека мнимая монахиня могла просить на дорогу в Иерусалим, у другого – на свечу, которую ей нужно поставить в Киево-Печерской лавре, а третьему она продавала "землицы иорданской" (Там же).

Эти люди были отличными психологами и замечательно умели почувствовать каждого благодетеля, найти к нему подход и выбрать историю, которая оказала бы наибольшее воздействие. В домах староверов они хвалили раскол, а у католиков рассказывали о папе римском. Впрочем, иногда они могли рассказывать о реальных событиях. Во времена, когда не существовало газет, такие странники разносили по стране новости и люди с интересом их слушали.

3. **Погорельцы**. Они просили милостыню на восстановление сгоревшего хозяйства. Это одна из самых распространенных стратегий нищенства того времени. Она была специфична именно для России, в европейских странах практически не встречалась из-за более низкого распространения деревянных построек. В свою очередь большинство уездных городов и деревень центральной России состояло из деревянных построек, поэтому пожары, действительно, наносили большой ущерб хозяйству, и многие крестьяне из-за пожара пошли по миру. Но не меньше профессиональных нищих использовали данную стратегию для получения прибыли.

Просили погорельцы обычно целыми семьями, при этом маленькие дети постоянно плакали (Там же). Профессиональные нищие собирали целую "группу", чтобы разыграть подобный спектакль. Например, мужчина нанимал за плату женщину с детьми и изображал хозяина, убитого горем.

Постепенно погорельцы могли собираться в целые армии. Так, в Казани было замечено, что староста нищих, узнав о пожаре в соседнем селе, сразу собирал артель из просящих милостыню. Все они одевались в крестьянскую одежду, изготавливали под-

дельные свидетельства от волостного управления и толпами ходили по городу (*Бахтияров* 1994; *Левенстим* 1900).

4. **Переселенцы.** Просили по причине переселения из других губерний. Нищие этого типа получили распространение после издания манифеста об освобождении крестьянства. Тысячи крестьян из неблагополучных губерний стали переселяться в Черноземье, в южные районы. Поэтому особенно много таких нищих было в городах, стоявших на главных транзитных путях страны – в Харькове, Одессе, Ростове.

Причиной переселения могли быть массовый голод, эпидемия, пожар. Ходили переселенцы обычно большими группами, целыми деревнями, поэтому каждому нищему доставалось не много. Профессиональных нищих в этой группе также было достаточно.

5. **Калеки.** Среди нищих, которые ходили по миру с сумой, одну из самых крупных групп составляли калеки. В столицах их было меньше, но на ярмарках в уездных городах они появлялись сотнями. Хорошей иллюстрацией к деятельности калек служит следующий эпизод.

Священник Бирюков неоднократно наблюдал в районе своего прихода нищего, который ездил по деревням и просил милостыню, заявляя дрожащим от волнения голосом, что он безногий беспомощный человек. Благодаря жалкому виду ему удавалось получать 5, 10, а где и 20 фунтов зерна. Через некоторое время священник другой деревни встретил человека, который быстро шел по дороге с двумя возами хлеба. Это и был безногий. Секрет его калечества состоял в том, что он умел сидеть целыми днями поджавши ноги (*Левенстим* 1900).

Существовало несколько причин нищенства среди калек. Когда в семье рождался больной ребенок, он зачастую не только становился лишним ртом, но и требовал особого присмотра. Стремясь избавиться от этой обузы, некоторые родители отдавали их в больницы или богадельни, однако немало было и таких, которые принимали предложение нищих отдать им ребенка в обучение. Нищий же калека не только не старался вылечить свое заболевание, но нарочно запускать его, выставляя увечья напоказ. Был зафиксирован ряд случаев, когда нищие нарочно растравляли свои раны купоросом.

Вызывая отвращение у окружающих, калеки заставляли их как можно скорее подать милостыню, чтобы избавиться от навязчивого нищего. Например, в Гродненской губ. среди нищих была распространена болезнь волос под названием "колтун". Она не ослабляла человека, но делала его вид жалким и отталкивающим. Болезнь эта была вполне исцелима, если больной обращался к врачу. Ее причиной являлась, как правило, нечистоплотность. Нищие же обычно отказывались от медицинской помощи.

Договорные отношения между нищими были замечены практически во всех губерниях России. Например, в одной из газет содержалось следующее описание вербовки нищих перед ярмаркой в Пскове: за три дня до наступления ярмарки или религиозного торжества, юридические, калеки, убогие и просто нищие собираются в окрестных местечках и выставляют себя напоказ и продажу. Какой-нибудь кулак или разбогатевший нищий является в те места и набирает себе артель из самых уродливых и безобразных. Он расплачивается либо с вожатыми нищих или с самим нищим, если он самостоятелен. За разных нищих может быть заплачено от 3 до 10 руб. в сутки. Совершив покупку, кулак обычно перепродает нищих другим торговцам. Новые хозяева выкупают для своих подопечных места у храмов и торговых рядов.

Нередко калеки собирались в артели. Летом такие артели обходили ярмарки, зимой ездили на санях, соединяясь в группы по 6–10 человек. Заработанное они, как правило, делили поровну (Там же).

6. **Сочинители.** В эту группу входили люди из принципиально другого социального слоя. Все сочинители были людьми, знавшими грамоту, многие из них в свое время получили образование и занимались профессиональным трудом. Чаще всего это были мелкие служащие, опустившиеся по причине легкомысленности и пьянства. Работа сочинителей состояла в фабрикация писем к состоятельным людям. Многие из нищих

были прилично одеты, с прислугой в домах вели себя уверенно. Хозяину дома они, как правило, говорили, что их прислали к нему его знакомые за помощью.

Главное для сочинителя было собрать все сведения о хозяевах дома, об их знакомых и родственниках. Источниками информации могли быть прислуга в доме или соседи. В России данные собирались посредством личных связей, однако во Франции, например, издавалась специальная справочная книга под названием "Большая и малая игра". "Малая игра" стоила 3 франка и содержала адреса нескольких сот благотворителей. "Большая игра" давала больше адресов, причем каждое имя сопровождалось небольшой биографией. Приведем описание одного из благотворителей: "Г.А. Богатый человек, легко дает 5 франков, платит за квартиры в случае выселения". Другой пример: "Г.Е. Старый республиканец. Представиться ему как жертва поклонников старого порядка и священников". В России собрать информацию было сложнее, и все зависело от таланта того или иного нищего (Максимов 1906).

Авторы выделяли также следующие категории нищих (Голосенко 1996; Прыжов 1997): железнодорожники (просили в вагонах железной дороги), севастопольцы (выдавали себя за отставных солдат и утверждали, что были ранены при севастопольской обороне), барабанщики (стучали под окнами и просили милостыню), складчики (брали милостыню не только деньгами, но и едой и вещами).

В "Полицейских ведомостях" за 1875 г. приводилась следующая классификация нищих: 1. Женщина просит на лечение ребенка. Иногда вместо ребенка держит полено, завернутое в тряпки. 2. Женщина просит на погребение ребенка. Иногда ходит по улицам с гробиком в руках. 3. Пожилые люди просят на приданое невесте (дочери). 4. Просят по причине слабости здоровья после выписки из больницы. 5. Калеки. 6. На угнанную или павшую лошадь. 7. На билет для возвращения домой. 8. Опустившиеся купцы и студенты. 9. Шарманщики, музыканты

Литература

- Ануфриев 1911 – Ануфриев К.И. Нищенство и борьба с ним. СПб., 1911.
- Бахтияров 1994 – Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга: очерки столичной жизни. СПб., 1994.
- Блиновский 1904 – Блиновский П.Я. Призрение бедных. Доклад томскому городскому голове. Томск, 1904.
- Голосенко 1996 – Голосенко И.А. Нищенство как социальная проблема (из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования. № 7. 1996. С. 27–35.
- Дриль 1899 – Дриль Д.Е. Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. СПб., 1899.
- Иванова 2003 – Иванова Н. "Христовы братья" и нищелюбие // Православный Санкт-Петербург. 2003. № 8 (138). С. 24–27.
- Ключевский 1995 – Ключевский В.О. Добрые люди на Руси // Исторические портреты. М., 1995. С. 138–151.
- Кудряцев 1885 – Кудряцев А.Н. Нищенство как предмет попечения церкви, общества и государства. Одесса, 1885.
- Левенстим 1900 – Левенстим А. Профессиональное нищенство. Его причины и формы. СПб., 1900.
- Линев 1891 – Линев Д.А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб., 1891.
- Максимов 1906 – Максимов Е.Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии ее в России. СПб., 1906.
- Прыжов 1997 – Прыжов И.Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997.
- Соколовский 1901 – Соколовский М.Н. Петр Великий как благотворитель // Вестник благотворительности. 1901. № 7/8. С. 14–25.
- Сперанский 1896 – Сперанский С. Рабочие дома в России и за границей. СПб., 1896.
- Butovskaya et al. 2000 – Butovskaya M., Diakonov I., Smirnov A., Salter F. Urban begging and ethnic nepotism in Russia: An ethological pilot study // Human Nature. 2000. № 2. P. 57–82.
- Butovskaya et al. 2004 – Butovskaya M., Diakonov I., Pavelkova J. Alms-giving in modern urban societies as a biosocial phenomenon: a cross-cultural comparison // Comparative Civilizations Review. 2004. № 50. P. 5–22.